

Боярыня Морозова. Θεодосѣя Прокопьевна была дочь окольниковичаго Прокопія Θεодоровича Соковнина. Она была выдана замужъ за одного изъ первыхъ бояръ того времени, Глѣба Ивановича Морозова, родного брата знаменитаго воспитателя и друга Алексѣя Михайловича. Глѣбъ Ивановичъ женился на Θεодосѣѣ Прокопьевнѣ уже вдовцомъ, имѣя отроду лѣтъ 50. У нихъ былъ сынъ, рожденіе котораго, по словамъ житія боярыни, было предречено явленіемъ преп. Сергія. Скоро Морозовъ скончался. Его боярыня осталась послѣ него съ небольшимъ 30 лѣтъ. Все улыбалось

— 272 —

молодой вдовѣ. Она была очень богата. Однихъ слугъ въ ея домѣ было до 300, а крестьянъ — 8.000. Она выѣзжала на колесницѣ, «еже есть въ каретѣ драгой и устроенной живописью и серебромъ, съ гремучими цѣпями». Лицо ея было строго-красивое, какъ у Юдифи.

Еще при жизни своего мужа Морозова проявляла склонность къ «духовному житію». Послѣ смерти его эта наклонность стала преобладающей въ душѣ боярыни. На нее вліялъ ея духовникъ протопопъ Аввакумъ. Вотъ какъ онъ изображаетъ ея дѣло благотворительности: «До полунощи тайно бродишь по темницамъ и богадѣльнямъ, милостыню отъ дому своего неся, деньги и ризы и потребная комуждо неимущему довольно». Домъ боярыни былъ наполненъ разными иноками, странниками и юродивыми. Между послѣдними одинъ по имени Кипріанъ бѣгалъ по улицѣ за царской колымагой, крича: «Добро бы, самодержавный царь, на древлее благочестіе вступить». Впослѣдствіи онъ былъ казненъ въ Пустозерскомъ острогѣ за преданность «древлему благочестію».

И Морозова скоро стала обличать никоніанъ.

Ея родственникъ, отецъ знаменитаго Ртищева, говорилъ ей: «Умоляю тебя, перекрестись тремя пальцами! Великъ и мудръ Никонъ. Не даромъ же его слушаетъ самъ царь. Не прикословь же великому государю и всѣмъ архіереямъ. Совратилъ тебя проклятый Аввакумъ». — «Не такъ, дядюшка, не такъ», отвѣчала боярыня. «Ты называешь горькое сладкимъ и сладкое — горькимъ. Аввакумъ — ученикъ Христа и страдаетъ за истину».

Стойкая въ древней вѣрѣ боярыня задумала постричься. Напрасно старица Меланія, на ряду съ Аввакумомъ руководившая ею, отговаривала ее отъ этого намѣренія, боясь гнѣва царя. Морозова настояла на своемъ. Раскольничій старецъ Досифей постригъ боярыню, нарекиши ей новое имя Θεодоры. Между тѣмъ обстоятельства при царскомъ дворѣ сложились для нея неблагопріятно. Ея родственница и покровительница, первая супруга Алексѣя Михайловича, скончалась. Царь задумалъ жениться на другой, и для Морозовой пришло тяжелое время искушеній; ей, какъ род-

ственницѣ царя, предстояло занимать первое мѣсто на царской свадьбѣ и говорить титуль его, называть никоніанина благовѣрнымъ. Мало того, на царской свадьбѣ неизбѣжно приходилось подходить подъ благословеніе къ архіереямъ-никоніанамъ. Морозова не пошла на царскую свадьбу подъ предлогомъ болѣзни. Царь разгнѣвался.

Относительно гнѣва царя на Морозову этой послѣдней сообщилъ князь Урусовъ черезъ свою жену, которая приходилась сестрой Морозовой. Отпуская жену, Урусовъ не совѣтовалъ оставаться ей долго у Морозовой, такъ какъ къ послѣдней, по его словамъ, должна быть присылка. Княгиня оставалась у сестры до поздней ночи. Во второмъ часу ночи явились посланные. Это были архимандритъ Іоакимъ и думный дьякъ Іларіонъ Ивановъ. Безцеремонно вторглись они въ спальню боярыни. Архимандритъ спросилъ ее, какъ она молится и крестится. Она перекрестилась двумя перстами и сказала: «Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!» такъ я молюсь. На другой день бывшіе у Морозовой, донесли царю въ Грановитой палатѣ, что они нашли у Морозовой. Обѣихъ женщинъ потребовали къ отвѣту. За ними отправился тотъ же самый архимандритъ Іоакимъ. Боярыня отказалась исполнить его приказаніе слѣдовать за нимъ. Тогда онъ велѣлъ нести ее въ креслахъ. Евдокія добровольно послѣдовала за архимандритомъ. Обѣихъ женщинъ допрашивалъ крутицкій митрополитъ Павель. Морозову спросили: причастится ли она по служебникамъ, по которымъ причащаются самъ царь, благовѣрная царица и царевичи. Она отвѣчала, что не причастится, такъ какъ знаетъ, что царь причащается по извращеннымъ Никономъ служебникамъ. На обѣихъ приказано было надѣть цѣпи и отправить Морозову въ Печерское подворье, а Урусову—въ Алексѣевскій монастырь. Морозова цѣловала свои цѣпи и благодарила Бога, сподобившаго ее Павловыхъ (апостольскихъ) узъ. Когда ее везли мимо Чудова монастыря подъ царскіе переходы, она сложила правую руку въ двуперстный крестъ и, гремя цѣпями, высоко держала ее, желая показать себя въ такомъ видѣ государю, но онъ не видалъ своей родственницы.

Послѣ оставленія Никономъ патріаршества митрополитъ Питиримъ сдѣлался его замѣстителемъ. Онъ замолвилъ слово передъ царемъ за обѣихъ страдалицъ. «Я бы давно поступилъ съ ними такъ, да ты не знаешь, отче святой, какъ люта эта женщина (Морозова). Если хочешь, допроси ее самъ, и тогда я поступлю съ ней такъ, какъ тебѣ будетъ угодно». Морозову опять привезли на допросъ въ Чудовъ монастырь. Она предстала въ цѣпяхъ до такой степени ослабѣвшей отъ заключенія, что стоявшей передъ ней стражѣ, сотникамъ и стрѣльцамъ, приходилось держать ее подъ руки. Питиримъ заговорилъ съ ней кротко и спросилъ ее, неужели она такъ возлюбила цѣпи. «Воистину возлюбила», отвѣтила она, «и воистину наслаждаюсь ими, понежѣ меня, недостойную, Господь сподобилъ Павловыхъ узъ».

Патріархъ сталъ уговаривать ее оставить свое упрямство, не гнѣвить государя и причаститься. Морозова отказалась наотрѣзъ и заявила, что некому ее исповѣдать и причастить. «Много поповъ въ Москвѣ», сказалъ патріархъ. «Много поповъ, да нѣтъ истиннаго», отвѣтила допрашиваемая.

Питиримъ предложилъ ей быть причащенной имъ, патріархомъ.

«Да чѣмъ же ты лучше другихъ?» воскликнула Морозова. «Когда ты былъ крутицкимъ митрополитомъ и держался древняго благочестія, ты намъ былъ любъ; теперь же, когда ты сталъ творить волю земного царя болѣе, чѣмъ Небеснаго, мы отвернулись отъ тебя».

Патріархъ приписалъ ея упорство дѣйствию бѣса, облекся въ ризы и хотѣлъ помазать ее, какъ бѣсноватую, миромъ. Тогда Морозова, до того времени поддерживаемая подъ руки, стала, «яко боецъ», и приготовилась къ рѣшительному сопротивленію. Она оттолкнула его руку и воскликнула: «Не губи меня проклятымъ масломъ. Развѣ я до сихъ поръ носила эти узы для того, чтобы ты въ одинъ часъ все испортилъ? Отступи, удались».

Патріархъ «взревѣлъ», по выраженію житія, «яко медвѣдь», назвалъ Морозову исчадіемъ ехидниннымъ. Морозова

тоже не осталась въ долгу. «Не лай же меня, патріарше», сказала она: «я грѣшница, но не вражья дочь».

Послѣ этого сестеръ подвергли страшнымъ пыткамъ «дыбы». Послѣ пытки мать Меланія нашла возможнымъ повидаться съ Морозовой. Она принесла ей извѣстіе о томъ, что приготовленъ срубъ для ея сожженія, и укрѣпила ее на предстоящую мученическую кончину. Дѣйствительно, патріархъ требовалъ сожженія Морозовой, но царь и другіе бояре воспротивились этому. Защитницей Морозовой выступила сестра царя, Ирина Михайловна. «Хорошо, сестрица — скажаль не безъ гнѣва государь — у меня есть для ней мѣсто». Послѣдовало повелѣніе отправить Морозову въ Боровскъ и заключить тамъ въ земляную тюрьму въ тамошнемъ острогѣ. Вслѣдъ за Морозовой туда же была привезена и Урусова. Тяжела была участь узницъ. Одинъ житель Боровска оказывалъ имъ различныя услуги, но объ этомъ узнали, и его подвергли пыткамъ. Прибыль изъ Москвы подьячій и отобралъ отъ нихъ все, что онѣ еще имѣли, оставивъ имъ только по одеждѣ. Была у Морозовой чудотворная икона Богоматери, и ту отъ нея отняли. Наконецъ изъ Москвы пришло окончательное рѣшеніе ихъ участи: Морозову съ Урусовой въ еще болѣе жестокой темницѣ морить голодомъ. Нельзя было придумать болѣе ужаснаго конца для несчастныхъ боярынь. Правда, онѣ не оставались совсѣмъ безъ пищи. Стрѣльцы-стражники не выдерживали; они «шодаяху имъ, другъ друга таяшася, овогда сухарей пять или шесть, овогда яблоко едино или два, овогда же огурцовъ часть, а ино ничтоже». Но съ такой пищей нельзя было, конечно, прожить долго, особенно боярынямъ, изнуреннымъ пытками и страданіями. Первая умерла Урусова. Приближался конецъ и Морозовой.

Когда она была при послѣднемъ издыханіи, то позвала стрѣльца и сказала ему: «Рабъ Христовъ! У тебя вѣдь былъ мать? Знаю, что ты рожденъ отъ женщины. Сего ради молю тебя, видишь, я — женщина и скована. Нѣтъ у меня рабынь, чтобы вымыть срачицу, а хочеть Богъ взять меня изъ этой жизни. Сбѣгай же ты на рѣчку и вымой мнѣ ее, чтобы не пришлось мнѣ лежать въ нѣдрахъ матери-земли

въ грязной одеждѣ». Стрѣлецъ взялъ подъ полу ея сорочку, сбѣгалъ на рѣчку и вымылъ ее. Въ этой сорочкѣ и скончалась боярыня Морозова.